

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ В ЖУРНАЛЕ
«STUDII ŞI CERCETĂRI DE ISTORIE VECHE»

за 1957 и 1958 гг.

Журнал «Studii şî cercetări de istorie veche», издаваемый Институтом археологии Академии Румынской Народной Республики¹, является одним из наиболее интересных периодических изданий по древней истории. В журнале находят отражение как разносторонняя археологическая деятельность румынских ученых, так и исторические исследования. Редакция обращает также серьезное внимание на публикацию статей по общим теоретическим вопросам. Отмечая опасность, представляемую ревизионизмом для успешного развития исторической науки, журнал указывает (1958, № 2) на недостатки в работе периодических изданий по древней истории, снижающие их теоретический уровень: увлечение публикацией материалов в ущерб их теоретической оценке, отсутствие четкой позиции в борьбе с извращениями буржуазной историографии, некритический подход к переоценке культурного наследства. Редакция отмечает, что первоочередной задачей исторической науки является борьба с любыми проявлениями идеализма и ревизионизма, сосредоточение усилий авторского коллектива на марксистском исследовании основных вопросов древней истории РНР и в первую очередь вопроса об этногенезе румынского народа.

Для историка древнего мира представляют интерес помещенные на страницах журнала статьи и исследования по различным периодам истории Дакии, исследования, посвященные изучению греческих городов Западного Причерноморья и их связей с местным гетским населением Северной Добруджи, работы по этногенезу румынского народа, а также публикации отдельных археологических материалов, позволяющих делать некоторые выводы исторического порядка.

А. Бодор в статье «К вопросу о земледелии в Дакии. Вопрос о дакийской общине, II»² (1957) на основе материалов археологических раскопок последних лет приходит к выводу, что земледелие в Дакии I в. до н. э.— I в. н. э. находилось на более

¹ Со второй половины 1956 г. «Studii şî cercetări de istorie veche» стал органом Института археологии. Обзор журнала за 1954—1956 гг. см. ВДИ, 1958, № 1.

² Первый раздел исследования помещен в SCI V, 1956, № 3-4 и рассмотрен в ире-
дующем обзоре.

высоком уровне, чем у германцев (свевов) в тот же период. В результате быстрого развития производительных сил возникло домашнее рабство и сельская община, образовалось раннерабовладельческое государство; появилась концентрация земельной собственности в руках царя и жречества, эксплуатировавших не только сравнительно многочисленных рабов, но и членов сельских общин. Сохранялась в Дакии и семейная община.

Д. Попеску в статье «Вопрос о трансильванских скифах в трудах Василе Пырвана» (1958, № 1) ставит задачу выяснить научную обоснованность концепции Ростовцева — Пырвана, объяснявших наличие на территории Трансильвании памятников, приписываемых скифам, их продвижением на запад, в Прикарпатье, в VII в. до н. э. Автор, с нашей точки зрения, необоснованно пытается сблизить взгляды Пырвана с выводами советских ученых, считающих, что возникновение памятников скифской культуры в Трансильвании и Венгрии является следствием культурных и, вероятно, этнических связей, существовавших между указанными областями и Западной Украиной еще в эпоху бронзы. В подтверждение своей точки зрения автор выдвигает то обстоятельство, что Пырван не придавал решающего значения скифскому влиянию на развитие культуры указанных областей Трансильвании. Несостоятельность и некорректность точки зрения Д. Попеску отмечается и редакцией журнала (1958, № 2),

В статье *И. И. Руссу* «Гето-фракийские элементы в Скифии и Восторе Киммерийском» (1958, № 2) выдвигается положение о том, что гето-фракийские элементы, засвидетельствованные в топонимике и ономастике в области дельтой Дуная и нижним течением Днестра начиная с V в. до н. э., объясняются, по всей вероятности, наличием на этой территории гето-фракийского населения, проникшего сюда задолго до походов Биребисты. Наличие же этих элементов в ономастике Боспорского царства автор вслед за М. И. Ростовцевым склонен объяснить существованием на территории Боспора киммерийской народности, а не фракийских переселенцев, прибывших сюда уже в более поздний исторический период. Подвергая пересмотру составленные Пырваном и Матееску списки гето-фракийских имен на Боспоре, автор приходит к выводу, что в число гето-фракийских имен ошибочно включены имена иранского и прапо-фракийского происхождения.

В статье «Оборона западной и северо-восточной границ Дакии во время правления императора Каракаллы» (1957), *М. Макря* касается вопроса о мероприятиях по обороне провинции Дакии, проведенных Каракаллой в первые годы его правления.

Основываясь на значительном археологическом материале, накопившемся с начала 30-х годов, автор приходит к выводу, что лихорадочная работа по укреплению западной и северо-восточной границ Дакии развернулась в период с 212—214 гг., т. е. до восточного похода Каракаллы. Поездку Каракаллы в Дакию автор относит к весне или лету 214 г. и считает, что во время этой поездки император посетил Поролисс, где присутствовал на открытии законченного за год до этого каменного castrum и бронзовой статуи императора верхом на коне, а также, возможно, произвел смотр войскам на границе Dacia Porolissensis. М. Макря высказывает предположение, что переговоры с вождями свободных даков, вандалов и квадов, о которых упоминает Дион Кассий (77, 20, 3 и 78, 27, 5), имели место именно в Поролиссе. Автор считает необоснованным высказанное Фр. Альтгеймом предположение (Die Soldatenkaiser, В., 1939, стр. 81 слл., 98 слл.), что поводом для поездки Каракаллы в Дакию послужили имевшие в то время место битвы с готами и карпами во Фракии и Н. Мезии. Автор подчеркивает, что, если, несмотря на усиливающийся натиск варваров на провинцию, после Каракаллы римлянам все же удалось сохранить Дакию до времени Аврелиана, то это, вероятно, отчасти было обусловлено наличием мощной системы оборонительных укреплений, возведенных в правление Септимия Севера и Каракаллы.

Р. Флореску в статье «Земледелие в Добрудже в начале римского владычества, II» (1957)³ отмечает, что в процессе экспансии Римская империя из страте-

³ Первый раздел исследования помещен в SCIV. 1956, № 3-4 и рассмотрен в предыдущем обзоре.

гических соображений должна была обеспечить себе владение Малой Скифией. На севере Добруджи римляне нашли редкое и бедное сельское население, ведущее примитивный образ жизни, на юге — несколько организованных территориально единиц. Римляне сохранили это положение, так как нуждались в сельских контингентах населения для воинских наборов и в прочном тыле. Определяющей административной единицей являлось село, которое осталось основной экономической и социальной ячейкой и в позднейшей римской Добрудже. Автор считает, что в этом следует искать ключ дальнейшего исторического развития Добруджи и отчасти этногенеза румынского народа. Римскую культуру и цивилизацию в Добрудже следует понимать как культуру крестьянскую, вероятно, латинскую по языку, но более сложную и самобытную по своему духовному складу, обусловленную историческими связями со страной, в которой обитало местное население.

В статье И. Стояна «Относительно древности сельской территории Истрии» (1957) рассматривается вопрос о наличии у Истрии сельской территории в римский период. Так как большинство исследователей еще считает, что в истории Истрии существовал период, когда город не имел сельской территории, автор указывает, что это мнение возникло из искусственного разделения греческих колоний на земледельческие и торговые. Истрия в начальный период своего существования отнеслась к этой последней группе. Автор соглашается с выводами исследований советских историков⁴ о том, что города древности основывались на земельной собственности и земледелии. С момента превращения Истрии из временного поселения (emporion) в полис, т. е. не позднее VI в. до н. э., город располагал собственной сельской территорией. Эта территория могла быть приобретена ирриг. путем или же в результате применения насилия и обрабатывалась или самими истрийцами, или зависимым местным населением. Данные эллинистического периода для такого вывода достаточно многочисленны и разнообразны; они указывают также на возможность расширения сельской территории в дальнейшем в связи с повышением интереса к сельскому хозяйству. Что касается предшествующих периодов истории Истрии, то здесь автор привлекает археологический материал из раскопок соседних с Истрией поселений: Силое, Вадул, Корбул и Тариверди. Здесь наряду с местной керамикой были найдены как в самом городе, так и в его ближайших окрестностях многочисленные фрагменты архаической и классической греческой керамики, что дает основание предполагать не только экономическое и культурное влияние греческой колонии, но административную зависимость этих территорий от Истрии. Если это так, то следует признать, что сельская территория Истрии уже в VI в. до н. э. была довольно обширной и составляла немногим меньше одной трети той, что указана в горезетии Лаберия Максима.

Истории Истрии посвящена также статья И. И. Руссу «О населении Истрии во II в. н. э.» (1958, № 1), в которой автор исследует личные собственные имена на материале эпитафий II в. н. э. И. И. Руссу дает новое чтение фрагмента мраморного катафалга и считает, что список этот содержит не перечисление членов «коллегии первой герусии», как полагал В. Пырван, а скорее представляет собой список победителей на священных играх и относится к середине II в. н. э. Затем автор рассматривает ономастический материал из Истрии в эпитафических памятниках II в. н. э. И. И. Руссу считает греками лиц, носящих греческие имена; лиц, у которых греческим является лишь имя отца, а также лиц, у которых греческим является имя и римским имя отца, и, наконец, лиц с чисто римскими именами, употребляемыми, однако, по греческому образцу (Κορβούλων Μάρκος и т. п.): для жителей римских провинций замена автохтонных имен римскими представляла собой обычное явление. Лиц с греческим именем в качестве *cognomen* (Flavius Meniscos, Ulpus Polyteimos и т. п.) автор считает греками, получившими право римского гражданства. Наконец автор склонен считать греками также лиц, обладавших правом римского гражданств.

⁴ В. Д. Блаватский, Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья, М., 1953; рец. на книгу Т. В. Блаватской, Западно-понтийские города VII—I вв. до н. э., М., 1952, см. ВДИ, 1953, № 1, стр. 92—99.

и носивших полностью римские имена (Flavius Gallus, M. Aelius Niger и др.), в отличие от В. Пырвана, считавшего этих лиц «подлинными римлянами». Местные фракийцы или греко-фракийцы, составлявшие население Северной Добруджи и территории Истрии значительно менее многочисленны в греческих городах; однако в Истрии их было больше, чем предполагалось прежде: фракийские имена встречаются даже среди членов герусии (Degistion, Dadas, Titthas и др.); по мнению автора, это в большинстве случаев эллинизированные фракийцы. Он считает связанными с истрийскими фракийцами найденные в Истрии рельефные изображения «фракийского всадника». В заключение автор подчеркивает необходимость дальнейшего изучения гето-фракийского элемента в греческих городах румынского и болгарского побережья Черного моря.

В статье «Исчезновение фракийско-дакийского населения и языка» (1957) И. И. Руссу рассматривает этот вопрос в тесной связи с происходившими на территории Фракии, Мезии и Дакии экономическими, социальными и политическими преобразованиями. Автор отмечает, что последние упоминания о присутствии фракийцев в войске, администрации и на престоле византийских цезарей, а также о фракийском языке относятся к концу VI в. н. э.: сначала постепенно исчез разговорный язык, замененный латинским, из которого в дальнейшем развился румынский язык, впитавший в себя ряд фракийских слов. Слова эти частично бытуют также в языке албанцев, которых автор склонен рассматривать как потомков нероманизованных фракийцев; несколько позже исчезают фракийско-гетские имена, которые заменяются греческими и римскими в процессе эллинизации территории к югу от Балканских гор и романизации территории к северу от них; более устойчивой оказалась топонимика, которая частично сохранилась до нашего времени, главным образом в названиях рек (Almus — Лом, Oiscos — Искер, Strymon — Струма, Timacus — Тимок и др.) и некоторых населенных пунктов (Naissus — Ниш, Pulpudeva — Пловдив и др.). Процесс замены языка местного населения латинским языком происходил несколько более быстрыми темпами на территории Дакии, Фракии и Мезии. Что касается фракийско-дакийского населения, то одна его часть превратилась в дальнейшем в румынское население, а другая ассимилировалась со славянами, заселившими Балканский полуостров.

М. Кишваси-Комша в статье «Некоторые исторические выводы на основании изучения керамики VI—XII вв.» (1957) отмечает, что при решении относящихся к малоизученному периоду истории Румынии (от падения Римской империи до образования румынских княжеств) вопросов о зарождении и развитии феодальных отношений и об этногенезе румынского народа ведущее место занимают данные археологических раскопок и, в частности, изучение керамики. Однако в связи с тем, что раскопки, касающиеся рассматриваемого периода, проводились далеко не повсеместно, а лишь в долинах больших рек и в непосредственной близости от них, т. е. на путях движения кочевников, еще не представляется возможным получить полную и ясную картину развития материальной культуры рассматриваемого периода, а там, где раскопки проводились, мы имеем дело, как правило, со смешанной культурой. В дальнейшем автор излагает некоторые свои выводы, вытекающие из изучения керамики археологических комплексов VI—XII вв.: на основании керамики типа Прага, обнаруженной в могильниках в Сэрата Монтеору и Балта Верде, автор считает доказанным проникновение в VII—VIII вв. на Балканский полуостров и в долину Дуная славян, пришедших с запада. Культура Глинча I (близ Ясе), датированная VIII в. — первой половиной IX в., принадлежит восточнославянскому населению, находившемуся в соприкосновении с каким-то кочевым народом, по всей вероятности, с аварами. Для комплексов в Себеше и Бландиане (Трансильвания), датированных первой половиной IX в., устанавливается протоболгарская принадлежность. На основании детального изучения керамики населения в I арвэне (Бисеркуца) в Северной Добрудже устанавливается наличие здесь смешанного населения: в конце X—XI вв. преобладающую часть составляли южные славяне, вместе с которыми проживало некоторое количество еще не ассимилированных протоболгар. Славянское население здесь засвидетельствовано вплоть до XII в. Еще не удалось уточнить, в какой мере в этническом

состав населения входило романское или древнерумынское население. Со второй половины XI в. в этнический состав населения все в большей мере начинают входить кочевники, в первую очередь печенеги. Группа керамики типа Чугуд, распространенная в окрестностях г. Алба-Юлия (Трансильвания), позволяет говорить о наличии в этом районе в X—первой половине XI в. славяно-румынского населения. Сохранение славянских черт в XI—XII вв. керамикой населений Морешть, Молдовенешть, Лекинца де Муреш и др. (Трансильвания) объясняется ассимиляцией славянского населения в этот период, с одной стороны, румынским, с другой — венгерским населением.

В статье «Восточные славяне на территории РНР и проникновение романского элемента в Молдову на основании археологических данных» (1958, № 1) М. К и ш-в а с и - К о м и а в процессе изучения материальной культуры славян приходит к выводу, что на территорию РНР проникали различные славянские племена, постепенно переселявшиеся сюда из различных областей. Кроме ранних славян, носителей культуры типа Прага, в VI—VII вв. на территории РНР известны восточные славяне, носители культуры Глинча I, западные славяне, о которых свидетельствуют находки в Трансильвании, и, наконец, южные славяне, проникшие к северу от Дуная в период экспансии первого болгарского государства в IX в. Для изучения материальной культуры восточных славян особенное значение имеет поселение Глинча I близ Ясс. Открытую здесь культуру автор называет культурой Лука Райковецкая — Глинча I и относит ее ко времени со второй половины VII до IX в. включительно. Вариант этой культуры известен в центре Трансильвании в Морешть, Молдовенешть и ряде других пунктов. В Трансильвании и Муштении (Валахия) восточнославянские племена сравнительно быстро ассимилируются коренным населением, и уже в X в. не встречается следов их материальной культуры. В приднестровских славянских поселениях (в Молдавской ССР) и в поселении Фуцудл Херци на севере Молдовы наблюдается постепенный переход от раннеславянской культуры типа Лука Райковецкая — Глинча I VII—IX вв. к славянской культуре X—XII вв., характерной для эпохи Киевского государства. Более поздние поселения в центре и на юге Молдовы (Глинча II, Спиноаса, Кавадинешть, Дрэгэнешть и др.) связаны с поселениями долины Дуная и Балканского полуострова. По мнению автора, посетелем этой балкано-дунайской культуры является южное население, переселившееся в Молдову в X в., а в некоторых областях, возможно, даже в IX в.; в его состав входили романские и южнославянские элементы. Граница между восточнославянскими племенами (белые хорваты, тиверцы) и появившимися с юга пришельцами проходила приблизительно по долинам рек Жижия (РНР) и Бык (Молдавская ССР). В X—XII вв. под ударами печенегов и половцев основная масса славянского населения Приднестровья была вынуждена отойти несколько к северу; в это же время в Трансильвании имеет место экспансия венгерского феодального государства, вследствие чего часть древнего румынского населения этой области переходит в Молдову, ускоряя процесс ассимиляции находившегося там славянского населения и кочевников. Этот процесс романизации охватывает также северную Молдову и Буковину. Автор приходит к выводу, что процесс окончательной романизации Молдовы обусловлен двумя элементами — южным, проникшим в X в. с элементами дунайско-балканской культуры, и трансильванским, проникшим в XI—XII вв.; материальная культура этого последнего еще не изучена.

К. П р е д а в статье «К вопросу о происхождении серебра гето-дакийских кладов в свете монетной находки в Стэнкуце (район Кэлмэцуй, обл. Галац)» (1957) приходит к выводу, что главным источником серебра гето-дакийских кладов последних двух веков до н. э. и первого века н. э. были рудники, разрабатываемые дакийцами в горных районах страны, и лишь в отдельных случаях греческие, македонские и римские серебряные монеты. Однако не исключена возможность, что в некоторых районах, далеко отстоящих от рудников, серебряные монеты являлись важнейшим источником сырья для изготовления серебряных украшений и предметов.

Б. М и т р я в статье «Находки римских монет в гето-дакийском поселении в Пояне и их историческое значение» (1957), исходя из того, что в монетных кладах, найденных в Пояне, монеты последней чеканки относятся к 71 г. н. э., приходит к выводу,

что жизнь в этом цветущем гето-дакийском укрепленном поселении прекратилась вскоре после упомянутой даты. Автор склонен объяснить оставление поселения его жителями в результате понесенного поражения со стороны наместника Мезии Рубрия Галла после гето-дакийских и сарматских набегов 69—70 гг. Из-за отсутствия римских монет II в. н. э. и соответствующего археологического материала Б. Митря считает необоснованным предположение, что это поселение можно считать Пироборидавой, упоминаемой в папирусе Ганта.

Ф. Горовиц в статье «Присутствие легионов V Macedonica и XIII Gemina в Паннонии во время правления Галлиена и конец римского господства в Дакии» (1957) в результате изучения трех надписей, обнаруженных в 1913 г. близ Птуя (Югославия), приходит к выводу, что присутствие упомянутых легионов в Паннонии во времена Галлиена ни в коем случае нельзя ставить в связь с прекращением римского владычества в Дакии. Надписи эти свидетельствуют лишь о том, что из-за грозящей внешней или внутренней опасности Галлиен временно передвинул в Паннонию некоторые из стоящих в Дакии легионов.

Д. Тудор в статье «Римские гарнизоны на банатском берегу Дуная в IV в. н. э.» (1958, № 2) в результате изучения фрагментов строительных материалов, найденных в г. Пожежена-де-Сус (обл. Тимишоара) и указывающих на стоянку там в IV в. римского гарнизона, посланного из Супрае (Moesia Prima), а также сведений, содержащихся в Notit. dign. or., приходит к выводу, что римские гарнизоны на левом берегу Дуная сохранились в этой области вплоть до нашествия гуннов.

Г. Флореску в статье «Два эпиграфических памятника, касающихся квазикоммунальной организации римских сельских общин (territoria)» (1958, № 2) в результате изучения ранее найденной в Челей и неоднократно публиковавшейся надписи, в которой упоминаются curiales territorii Sucidavensis, датирует эту надпись 248 г. н. э. и высказывает мнение, что термином curiales здесь обозначаются члены курий, обязанные выполнять должность decurio. Таким образом, термин curiales уже в III в. начинает вытеснять термин decurio, а в IV в. это явление становится всеобщим. В результате изучения надписи, найденной в 1957 г. в селе Гырличу близ Хыршовы в Добрудже, удается установить, что territorium Истрии в действительности не принадлежал греческому городу Истрии, являвшейся civitas stipendiarias, а представлял собой самостоятельную административную единицу regio Histriae с квазикоммунальной организацией, управляемой архонтами, но организованной, по всей вероятности, по римскому образцу.

В статье *Ш. Константинеску* «Посвятительный эпиграфический памятник из Гырличу» (1958, № 2) приводится подтверждение выдвинутого в рассмотренной статье Г. Флореску положения, что civitas и regio Histriae представляли собой в эпоху римского владычества две самостоятельные административные единицы.

С. Димитриу в статье «Мелкая монета из Кизика в Истрии» (1957) в связи с редкостью находок монет из Кизика на территории РНР рассматривает находку из раскопок 1956 г. в Истрии мелкой кизикской монеты ольвийского типа (гектос — $\frac{1}{6}$ статера) как доказательство чеканки монет в Кизике в архаический период. Автор считает, что эта находка указывает на наличие более тесной связи территории Добруджи с Фракией и Восточным Киммерийским, где было обнаружено большое количество кизикских монет.

Т. Сэучук-Севяну в статье «Понтийский „speculator“ Вибий Север» (1957) указывает на значение как исторического источника найденного в Томи надгробного памятника Вибия Северу. Памятник этот, относящийся к концу II — первой половине III в. н. э., отражает развитие процесса романизации в греческой среде и впервые сообщает о существовании должности speculator Ponticus.

И. Барня в статье «Одессосский викарий в Томи» (1957), отмечая, что на одном мраморном надгробии, случайно найденном много лет назад в Томи и в настоящее время хранящемся в Национальном музее древностей в Бухаресте, впервые упоминается «Одессосский викарий», высказывает предположение, что подобная гражданская должность появилась лишь после исчезновения викариата во Фракии и про-

существовала до учреждения в 536 г. должности *quaestor Justinianus exercitus*, облеченного военной и гражданской властью, с резиденцией в Одессосе (Варна). Власть «Одессосского викария» распространялась по меньшей мере на провинции *Moesia Secunda* и *Scythia Minor*. Доказательством этого является самый факт находки надгробия в Томи: викарий Марцелл внезапно умер в столице Малой Скифии. Надпись относится, по всей вероятности, к периоду между последними годами V в. и 536 г., когда была учреждена *quaestura exercitus* с резиденцией в Одессосе.

Э. Кондураки в статье «Тиберий Плавтий Элиан и переселение задунайских жителей в Мезию» (1957) оспаривает выводы Д. М. Пипшиди⁵ о том, что переселение Плавтием Элианом, наместником Мезии (57—63 гг. н. э.), 100 000 задунайских жителей в область в югу от Дуная представляло собой полицейское мероприятие и имело задачей расширение «зоны безопасности» как для укрепления границ, так и главным образом для уменьшения возможности нападений со стороны дакийцев. Автор склонен согласиться с ранее высказанным В. Пырваном мнением, что переселение носило добровольный характер: многочисленные источники подтверждают, что в связи со все усиливающимся давлением роксоланов в середине I в. н. э. положение населения дунайской равнины становилось все более невыносимым. Добровольность переселения подтверждается также тем, что переселенцы были поселены в Мезии *sum coniugibus ac liberis et principibus aut regibus suis*; в противном случае элементарная осторожность требовала бы поселения этих людей где-нибудь подальше от границы, как это имело место в II в. н. э. с частью беских племен, которые были переселены из района Балканских гор в глубь Малой Скифии.

В статье «Сингидунум и Сингидава» (1958, № 2) Н. Гостар указывает на необоснованность утверждения Бранимира Зганиера («Bulletin d'archéologie et d'histoire dalmate», LIII, 1950—1951, стр. 20—22), что первый компонент *Singi-*, бытующий в топонимиках на фракийской, иллирийской и кельтской территориях, доиндоевропейского происхождения и означает «слияние (рек)». Следовательно, *Singidunum* и *Singidava* — крепость (населенный пункт) у слияния двух рек. Однако ни Сингидава (на среднем течении Муреша, в Трансильвании), ни Сингоне (в Словакии), ни Сингос (местность на побережье Эгейского моря) не расположены у слияния двух рек. Автор склонен считать *sing* относящимся к фракийской лексике.

В. Думитреску в статье «Василе Пырван (1882—1927). К тридцатилетию со дня смерти учителя» (1957) ставит перед собой задачу ознакомить главным образом молодых исследователей с образом В. Пырвана — человека.